

А.А. Щелчков¹
A.A. Schelchkov

Коминтерн и неортодоксальный латиноамериканский социализм: борьба с мариатегизмом и рекабарренизмом²

The Comintern and Unorthodox Latin American Socialism: The Fight Against Mariategism and Recabarrenism

---

Аннотация: Первые десятилетия существования международного коммунистического движения в Латинской Америке, 20-30-е годы были богаты на внутренние дискуссии и теоретико-политические конфликты. Важными фигурами в латиноамериканском коммунизме были Хосе Карлос Мариатеги в Перу и Луис Эмилио Рекабаррен в Чили. Они были основателями коммунистического движения в своих странах, оригинальными политиками и мыслителями. В период после VI конгресса Коминтерна, так называемой пролетаризации и большевизации партий, были начаты имевшие немало негативных последствий кампании борьбы с «мариатегизмом» и «рекабарренизмом». Данная работа посвящена этой проблеме отношений компартий Перу и Чили с Коминтерном и последствиям борьбы с уклонами в этих партиях.

Ключевые слова: Хосе Карлос Мариатеги, «третий период», Коминтерн, Луис Эмилио Рекабаррен, индейский вопрос, Перу, Чили

---

¹ Щелчков Андрей Аркадьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; Andrey Schelchkov – doctor in history, investigator of the Institute of World History of the Russian Academy of science. Mail: sch2000@mail.ru

² При поддержке РФФ, проект 19-18-00305 «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы».

Abstract: The first decades of the existence of the international communist movement in Latin America were rich in internal discussions and theoretical and political conflicts. Important figures in Latin American communism were Jose Carlos Mariátegui in Peru and Luis Emilio Recabarren in Chile. They were the founders of the communist movement in their countries, original politicians and thinkers. In the period after the Sixth Congress of the Comintern, the so-called Proletarianization and Bolshevization of parties, were launched the campaigns against the “mariategism” and “rebarrenism” that had many negative consequences. This article is devoted to this problem of relations between the Communist Parties of Peru and Chile with the Comintern and the consequences of the struggle against deviations in these parties.

Keywords: José Carlos Mariátegui, “third period”, Comintern, Luis Emilio Recabarren, Indian question, Peru, Chile

DOI: 10.32608/2305-8773-2020-26-1-163-191

В истории левых XX в. значительное место занимает идеологическое противостояние советского-коминтерновского видения революции и «иных» марксизмов, борьба с которыми стала важнейшей задачей коммунистического движения начиная с конца 20-х годов. Коминтерн и московский идеологический центр жестко контролировал «идеологическую чистоту» рядов международного коммунистического движения, навязывая свою глубоко одностороннюю, жестко догматическую и неживую теорию советского марксизма. Как справедливо писал Исаак Дойчер, в советской (коминтерновской) интерпретации «марксизм, наиболее критическое и попирающее многие основы учение, был лишен этого содержания и сведен к набору софизмов или полуцерковных предписаний, призванных обосновать любой сталинский закон и любую его псевдотеоретическую прихоть»³.

Коминтерн пристально следил за национальными партиями, за соответствием их теоретических поисков и политической практики советской идеологии и политическим установкам Москвы. Как отмечал Исайя Берлин, «непримиримое отношение Коминтерна к зарубежным коммунистам и ещё в большей

---

³ Дойчер, 1991. С. 192.

степени к социалистам, безжалостная охота на еретиков – всё это объяснялось, по-видимому, искренней верой, что и те и другие могут пойти на компромиссы, поставив под удар истину, то есть учение, на котором зиждился фундамент нового общества, или могут избрать (если уже не избрали) путь, уводящий – пусть сначала незаметный – от сакральных целей, не подлежащих обсуждению»⁴. В Латинской Америке были свои «еретики» и попутчики, которые в определенный момент становились опасными и превращались в «уклонистов». Коминтерн, несмотря на удаленность региона и порой плохую осведомленность о реальном положении дел там, ставил цель идеологического очищения и идеологической унификации с основным «телом» движения как одну из самых важных задач, стоящих выше политической практики и прагматических устремлений партий.

В историографии до сих не утихают споры об особом неортодоксальном марксизме Хосе Карлоса Мариатеги. По выражению эквадорского исследователя и публициста Агустина Куэвы, наследие Мариатеги присваивается самыми разнородными силами, троцкистами, маоистами Сендеро Луминосо, просоветскими коммунистами, и даже военным режимом Веласко Альварадо, умалчивая многочисленные противоречия их собственных идеям. Также как не соответствует действительности, по его мнению, всеобщее убеждение в неортодоксальности марксизма Мариатеги⁵.

Мариатеги со временем превратился в знаменосца творческого марксизма, основоположника латиноамериканского «национализированного» марксизма⁶. Его работы и идеи были вновь открыты новыми левыми, собственно коммунистами, диссидентами в коммунистическом движении. Между тем, в действительности, его заслуга безусловна в том, что он первый из марксистов отошел от «либеральной» традиции трактовки индейской проблемы и равенства, унаследованных и коммуни-

---

⁴ Берлин, 2001. P. 345.

⁵ Cueva, 2008. P. 179-180.

⁶ Kohan, Pérez, Lowy, 2014.

стами в том смысле, что решение индейской проблемы должно происходить по той же схеме, что и проблемы других этнических меньшинств, а аграрный вопрос в духе буржуазно-демократического этапа революции. Мариатеги предложил отказаться от этого подхода, построив свою отчасти утопическую систему социализации земли и расово-культурного возрождения индейских народов с опорой на общину, всегда рассматриваемую ортодоксальным марксизмом как докапиталистический пережиток. Этот вклад Мариатеги был высоко оценен потомками, но на основе этих идей ни одна политическая сила, кроме маргиналов утопистов, не предложила новый путь революции и специфический социальный проект. Мариатеги вовсе не создал особый латиноамериканский марксизм, в попытках к чему его подозревали в Коминтерне, и что ему приписали потомки и последователи, а лишь поставил задачу адекватно взглянуть на латиноамериканскую реальность, не отрицая общих европоцентристских установок коминтерновского марксизма⁷. Этические и культурно-просветительские идеи Мариатеги имели гораздо большее значение, но их самоценность была востребована только в конце XX – начале XXI в. в период общего кризиса левого движения и марксизма в Латинской Америке.

При этом отношения Мариатеги и Коминтерна прошли период симпатии и надежд и период острой критики и неприятия, который затем сменился решением принять и адаптировать его наследие к задачам и целям коммунистического движения в Латинской Америке. Выдающийся аргентинский публицист и теоретик Хосе Арико писал: «Особенности идей Мариатеги делали его полностью чуждым характерным позициям политиков и теоретиков Третьего Интернационала. Эти особенности состояли в том, что по своему культурному формированию он стремился сохранить верность тому марксизму, который постоянно изменяется в ходе классовой борьбы, марксизму, способному преодолеть догматические взгляды, сформированные в предыдущие эпохи»⁸.

---

⁷ Achá, D'Anuncio, 2010. P. 231.

⁸ Mariátegui y los orígenes, 1980. P. XXI.

Мариатеги первоначально воспринимался Коминтерном только в разрезе будущего перуанского коммунистического движения, закрывая глаза на его народнические «уклоны». Рост авторитета Мариатеги среди левой, марксистской интеллигенции на континенте заставили Коминтерн вступить с ним в идеологическую дискуссию, сделав ставку на создание компартии Перу на базе тех его сторонников, кто был более склонен полностью принять московский диктат в определении политики партии, как например, Эудосио Равинес.

Отношения международного коммунистического движения и Мариатеги, со временем ставшего символической фигурой латиноамериканского коммунизма, имели сложную историю. Несмотря на высказываемую симпатию и декларацию близости взглядов между Мариатеги и Коминтерном долгое время не было никакой связи, несмотря на то что с 1924 г. мексиканские коммунисты рекомендовали Москве обратить внимание на «одного профессора, который явно наш человек»⁹.

Хотя Мариатеги во время своего пребывания в Европе был связан с итальянскими коммунистами и с группой «Clarté» А. Барбюсса и Р. Роллана, он не установил и не стремился установить никаких связей с Москвой. Во время так называемого «коммунистического мятежа» в Перу в июне 1927 г., нападения группы коммунистов на Президентский дворец в Лиме Мариатеги был вне этого заговора¹⁰.

Первые контакты Мариатеги с Коминтерном устанавливаются в период между событиями 1927 г. в Перу и Первой конференцией компартий региона в Буэнос-Айресе в 1929 г. В конце 1927 г. Мариатеги получил приглашение от Профинтерна принять участие в VI конгрессе. Мариатеги выбрал для этого двух представителей: рабочего-синдикалиста Хулио Портокарреру, с которым он только что познакомился в тюрьме Сан-Лоренсо, и молодого интеллигента Армандо Базана, сотрудничавшего в его журнале «Amauta». Эти делегаты в Москве не стали слепо следовать указаниям советским товарищей: отказа-

---

⁹ РГАСПИ Ф. 495, оп. 108, д. 41. Л. 2

¹⁰ Flores Galindo, 1980. P. 20-22.

лись подписать декларацию осуждения троцкизма и испанца Андреса Нина, не соглашались и с безусловным осуждением апризма¹¹. Самым опасным было отношение к Троцкому, которого перуанцы по-прежнему рассматривали как лидера русской революции. Они были далеки от того, чтобы солидаризироваться с его политической позицией, но их журнал «Amauta» публиковал тексты Троцкого¹².

Отношения группы Мариатеги и его лично с Коминтерном в 1928-1929 гг. складывались вполне доверительные, он считался человеком близким к Интернационалу и лучшим кандидатом на лидера будущей компартии Перу. В 1928 г. в Коминтерне считали необходимым превратить «литературную группу Мариатеги» в партию, а членам кружка перейти к прямой работе в массах пролетариата. При этом в Москве Латиноамериканский лендерсекретариат должен был разработать подробные «директивы группе Мариатеги об идеологических и организационных принципах создания коммунистической партии»¹³.

В 1928 г. ТАСС предложил Мариатеги написать статью о Перу, социальных и экономических проблемах страны. Однако Коминтерн был шокирован решением Мариатеги в октябре 1928 г. не создавать компартию, а сформировать более широкую в социально-политическом смысле Социалистическую партию¹⁴ Это решение Южноамериканский секретариат Коминтерна (ЮАСКИ) в Буэнос-Айресе охарактеризовал как ошибочное, и В. Кодовилья предлагал обсудить его во время визита перуанцев, в том числе и Мариатеги, на профсоюзную конференцию в Монтевидео и партийную в Буэнос-Айресе в 1929 г.¹⁵

Конференция компартий в Буэнос-Айресе (1929 г.) – перуанский вопрос

Коминтерн пригласил Мариатеги на Первую конференцию компартий стран Латинской Америки в Буэнос-Айрес, но он не

---

¹¹ Ibid., P. 24.

¹² Например, статья Троцкого о Ленине – Amauta, 1927. No.5. P. 15-20.

¹³ Коминтерн и Латинская Америка, 1998. С. 81.

¹⁴ Becker, 2002. P. 199.

¹⁵ РГАСПИ Ф. 495, оп. 108, д. 6. Л. 10.

смог поехать по состоянию здоровья. Вместо него отправились представители его партии Хулио Портокарреро и врач Уго Пессе.

Пессе, Портокарреро, Мариатеги и Мартинес де ла Торре подготовили тезисы выступлений для делегатов партии на конференции в Буэнос-Айресе. Кодовилья в марте 1929 г. в письме к перуанским товарищам просил Мариатеги подготовить главный доклад по национальному и расовому вопросу, признавая его признанным знатоком данной проблемы¹⁶.

На конференции в Буэнос-Айресе, хотя Мариатеги там не было, первое же выступление перуанского делегата Х. Портокарреро 4 июня 1929 г. началось с зачитывания письма Мариатеги об отношении к АПРА, к антиимпериализму и классовым союзам, что было превентивным шагом перед лицом критического отношения к группе Мариатеги в Коминтерне¹⁷.

На конференции Портокарреро говорил о Народном университете, созданном Мариатеги, как важнейшем политическом шаге партии в деле воспитания трудящихся¹⁸. В этом Коминтерн видел проявление интеллигентщины, непролетарского сознания и оппортунизма.

Знакомство коминтерновцев в идеями Мариатеги, прежде всего о роли индейского крестьянства, предрасположенного в виду своего традиционного коллективизма и общинного уклада жизни к восприятию социализма, привело их к выводу о «народническом» характере его воззрений. В этом они убедились на примере не только работ самого Мариатеги, привезенных в Аргентину Портокарреро, но и из выступлений перуанцев на конференции по расовому и аграрному вопросу¹⁹.

Самым жестким критиком перуанцев был Кодовилья. 30 мая 1929 г. на встрече с перуанской делегацией он говорил: «Взгляды Мариатеги в отношении пролетарской партии, то есть коммунистической партии, пока очень путаное. Хочу отметить, что Мариатеги, также, как и Айя де ла Торре, все время говорит,

---

¹⁶ РГАСПИ Ф. 495, оп. 108, д. 6. Л. 9.

¹⁷ El movimiento revolucionario latinoamericano, 1929. P. 149-152.

¹⁸ Ibid., P. 153.

¹⁹ Flores Galindo, 1980. P. 28-31.

что нельзя применять европейские системы в Латинской Америке – об этом свидетельствует письмо Мариатеги – Айя де Торре, копию которого он отправил нам. Явно, что у него ещё нет четкой идеи, какой должна быть партия, и он заявляет, что нужно организовать единый фронт всех сил, а не партию. Этот единый фронт может включать как социалистов, так и либеральную буржуазию, готовых бороться с империализмом. Он считает, что для Латинской Америки нужно создать индоамериканский социализм. Посмотрим на 17 номер журнала «*Amapta*», где в своей статье Мариатеги объясняет свою эволюцию от апризма к коммунизму, настаивает на необходимости учитывать перуанскую действительности, по сути, призывает к созданию «широкой» социалистической партии, ссылаясь на иную обстановку, нежели в других странах. Из чего нам ясно, что наши перуанские товарищи пока ещё не приняли коммунистическую идеологию»²⁰.

Портокарреро высказался на конференции и по поводу создания социалистической партии, как «партии массы ремесленников, бедных крестьян, сельских рабочих, пролетариата и некоторых интеллектуалов», четко изложил точку зрения самого Мариатеги. И в этой стратегии просветительская работа среди пролетариата, что было задачей мариатегианского Народного университета занимала первостатейное положение. Он также напомнил, что группа Мариатеги отправила ЮАСКИ письмо, в котором заявляла, что «идеология, которую мы принимаем, является марксизм и революционный ленинизм, то есть доктрина принимается во всех аспектах – философском, политическом и социально-экономическом; наши методы – методы ортодоксального революционного социализма»²¹. Портокарреро заявил о программной цели перуанской партии – установлении рабоче-крестьянских и солдатских муниципалитетов²², что не могло не вызвать раздражение в Коминтерне, говорившем о советах и советской власти²³.

---

²⁰ РГАСПИ Ф. 495, оп. 108, д. 10. Л. 18.

²¹ *El movimiento revolucionario latinoamericano*, 1929. P. 154.

²² *Ibid.*, P. 154.

²³ Flores Galindo, 1980. P. 87.

При этом, как бы выбрасывая красную тряпку перед быком, Мариатеги в своей автобиографии, написанной для конференции в Буэнос-Айресе, отметил своё в прошлом увлечение Сорелем, идеями стихийности, насилия и революционного синдикализма, что было вызовом коминтерновским устоям²⁴.

Делегат от группы Мариатеги на конференции подчеркивал особенности перуанской реальности и право на самостоятельную политическую линию, в том числе и в смысле создания широкой социалистической партии. При этом подтверждалась приверженность принципам Коминтерна: «Социалистическая партия, опирается на нашу [коммунистическую] группу, которая полностью привержена идеологии Коминтерна. Мы называем себя коммунистами, хотим придать рабочему движению Перу направление Коммунистического интернационала»²⁵, – что воспринималось в Интернационале скептически и с подозрением. На той же конференции функционеры Интернационала решительно осудили позицию перуанцев, обвинив их в подмене предлагаемой ими поликлассовой социалистической партией вместо пролетарской, коммунистической²⁶. Об этом говорили Ж. Эмбер-Дро, В. Кодовилья, Петерс (З. Рабинович), П. Гонсалес Альберди. Особенно жесткой была критика Кодовильи так называемого тезиса Портокарреро о «прогрессивной роли империализма» в развитии Перу, так как тот разрушает феодальные структуры²⁷.

Сако (Уго Пессе) на конференции выступил с докладом о расовой проблеме в Латинской Америке, написанный Мариатеги²⁸. В нем он изложил одну из излюбленных идей Мариатеги об общине как «естественном факторе социализации земли», так как общину было бы легко трансформировать в кооператив²⁹. Видный функционер Коминтерна Петерс тогда особо от-

---

²⁴ Ibid., P. 53.

²⁵ El movimiento revolucionario latinoamericano, 1929. P. 156.

²⁶ Ibid., P. 162-163, 186-188, 199-200.

²⁷ Ibid., P. 334-335.

²⁸ Becker, 2002. P. 198.

²⁹ El movimiento revolucionario latinoamericano, 1929. P. 288.

метил заслуги Мариатеги именно в разработке индейского вопроса³⁰.

Мариатеги в индейско-аграрном вопросе не выступал апологетом индейской общины, как его представляли в Коминтерне, обвиняя в народническом уклоне, не как консерватор или традиционалист, но как поборник «национализации» (перуанизации) пути к социализму. Этот путь состоял в том, чтобы использовать коллективистские, «примитивные коммунистические устои» индейского крестьянства, опираясь на борьбу пролетариата и под его руководством прийти к «коллективистскому обществу, являющемуся целью марксистского коммунизма»³¹. Для Мариатеги борьба индейцев за освобождение была не национальной или расовой борьбой, а исключительно классовой, и в этом он был более ортодоксальным марксистом, чем его коминтерновские оппоненты.

«Национализация», перуанизация марксизма и социализма были приоритетом Мариатеги, его творческим вкладом в идею социализма в Латинской Америке, что не могло не вызвать подозрений в мелкобуржуазном национализме. Видный аргентинский историк и публицист Оскар Теран писал по этому поводу: «Мариатеги пытался выполнить сложную задачу остаться на границе между коммунистическим интернационализмом и революционным индеанизмом. Он принимал универсальный социалистический проект, но слитый в одно единое с проектом индоамериканским, в частности, с перуанским. Для этого она считал необходимым признать, что социализм уже укоренен в «американской традиции» в лице первобытной коммунистической организации инкского общества»³².

Мариатеги был одним из первых марксистов, отошедших от европоцентристских взглядов, разрабатывавших программу революционных преобразований творчески применяя общую теорию в соответствии с особенностями местной реальности. Поскольку этот подход входил в противоречие с указаниями Ко-

---

³⁰ Ibid., P. 300.

³¹ Ibid., P. 229.

³² Terán, 2008. P. 181.

минтерна, за Мариатеги укрепилась репутация «неортодоксального» марксиста³³.

В январе 1927 г. Мариатеги писал в «*Amauta*»: «Наши национальные явления духовно не отличаются и не отделимы от мировых процессов. Более того, от них мы получаем наибольший импульс. Зерно наших индеанистских требований коренится в социалистических идеях, но не тех, что мы унаследовали от исчезнувших инков, а тех, что мы восприняли от западной цивилизации, в науке и технике которой только романтики и утописты не видят прекрасные достижения современного человека»³⁴. В словах Мариатеги менее всего есть обращение к автохтонности, замкнутости и исключительности, свойственные расистско-культурному индеанизму.

Мариатеги не мог не связывать национальное освобождение индейцев с решением социальных проблем, а именно с аграрной. Его идеи не противоречили решениям VI конгресса Коминтерна, допуская, что некоторые народы могут перейти к социализму, минуя иные предыдущие стадии развития. В отношении индейцев Мариатеги предполагал, что их национальное освобождение связано именно с социализмом, так как они предрасположены благодаря своему традиционному общинному укладу к коллективистскому общественному строю³⁵.

Взгляд на особое место индейской общины и наличие «социалистических», коллективистских традиций у индейского крестьянства, по мнению коминтерновских деятелей, привел Мариатеги к недооценке роли пролетариата и его гегемонии в революции, с одной стороны, и к непониманию этапов революции и перерастания одного в другой, вплоть до пролетарского, социалистического. Мариатеги приписывались примитивное видение революции как крестьянской и социалистической одновременно, то есть он представлялся как романтический крестьянский утопист³⁶.

---

³³ Ruiz Sanjuán, 2015. P. 255.

³⁴ Mariátegui, 1927. P. 37.

³⁵ Leibner, 1999. P. 40.

³⁶ Мирошевский, 1941. С. 85.

В октябре 1930 г. в Москве состоялась Вторая конференция компартий Латинской Америки, на которой вновь были подняты вопросы, обсуждавшиеся на первой конференции в Буэнос-Айресе. Выступавший с докладом Эмбер-Дро остановился на идеях Мариатеги в аграрном вопросе, которые считал глубоко ошибочными и утопическими. Отечественный исследователь И.И. Янчук, опубликовавший документы этой конференции, писал: «Основательной критике Эмбер-Дро подверг идею скончавшегося в апреле 1930 г. руководителя Социалистической партии Перу Х. Мариатеги о национализации земли и прямом переходе к социалистическому использованию земли, то есть по сути дела к созданию колхозов. Раздел земли латифундией между крестьянами-общинниками Мариатеги считал либеральной идеей. Но мы, коммунисты, - говорил Эмбер-Дро, - должны защищать и поддерживать общины индейцев, вековой мечтой которых был возврат земель, захваченных латифундистами. Раздел земли – это главный лозунг аграрной революции, который поддержат не только крестьяне, но и колоны, арендаторы, исполщики и большинство сельскохозяйственных рабочих, менталитет которых вполне крестьянский, и во многих случаях они мечтают возвратиться на землю. Надо учитывать волю масс, требующих раздела экспроприруемых помещичьих земель. Там же, где существуют крупные механизированные сельскохозяйственные единицы, то возможно их превращение в кооперативы при согласии сельскохозяйственных рабочих. Необходим дифференцированный, конкретный подход к этой проблеме»³⁷.

Идея Мариатеги об необходимости разработки особой тактики для каждой страны континента, исходя из ее исторических и национальных особенностей, не нашла поддержки в руководстве Коминтерна, делавшего ставку на унификацию, на словах признававших необходимость учета местных условий. Кодовилья на Первой конференции, явно обращаясь к Мариатеги и его группе, заявил, что при учете национальной специфики не следует терять из виду общее положение стратегии коммунистов.

---

³⁷ Янчук, 2005. С. 103.

Он говорил: «Разве условия в Перу сильно отличаются от других стран Латинской Америки? Вовсе нет! Это такая же полуколониальная страна, как и другие!»³⁸.

Южноамериканский секретариат КИ рассматривал группу Мариатеги («группу Амаута», Социалистическую партию) как сложных и неприятных союзников, собеседников, мешающих формированию сильной компартии в Перу. Даже после конференции в Буэнос-Айресе, где перуанцы столкнулись с жесткой критикой, открыто защищая свои позиции, казавшиеся коминтерновцам то «правым», социал-реформистским, то апристским уклоном, не произошло разрыва. Умбер-Дро даже выразил надежду, что перуанцы преодолеют свои заблуждения и примут верные решения³⁹.

В 1930 г. Гиольди писал в отчете в Москву, что «группа Амаута продолжает сеять путаницу, особенно в вопросе о классовой партии и месте индейцев в политике». Вместе с тем, он советовал перуанским товарищам не тратить время «в идеологической битве» с этой группой, не утонуть в бесплодных дискуссиях⁴⁰. В Коминтерне была сделана ставка на создание компартии, что и состоялось вскоре после смерти Мариатеги. Проводником этой политики стала Коммунистическая группа в Куско, которая заявила о нежелании входить в социалистическую партию, руководимую Мариатеги⁴¹.

Мариатеги отнюдь не был сторонником старых социалистических партий Европы, критиковал Социалистический интернационал за отсутствие определенной дисциплины и единой позиции по многим вопросам, стоявшим перед партиями, что и привело к его развалу во время мировой войны. Он считал необходимым подчинение общей дисциплине и общим положениям доктрины, как в Коминтерне. Его разногласия с коммунистами в Москве и Буэнос-Айресе носили для него характер творческой и товарищеской дискуссии, что отличалось от его дебатов в апризмом, свидетельствовавших о кардинальном рас-

---

³⁸ El movimiento revolucionario latinoamericano, 1929. P. 187.

³⁹ Flores Galindo, 1980. P. 93.

⁴⁰ РГАСПИ Ф. 495, оп. 79, д. 112. Л. 142.

⁴¹ Aricó, 2018. P. 294.

хождении и необходимости размежевания, что и произошло в 1928 г.

Сторонники Мариатеги не разделяли многие пункты политической позиции Коминтерна, который считали своим союзником. Как отмечал Х. Арико, будет рискованным предположить, что Мариатеги был достаточно осведомлен об изменениях курса Коминтерна после VI конгресса. Он получал из Буэнос-Айреса журнал «Correspondencia sudamericana», но подробных сведений о тонкостях политики Москвы мог и не получать. Таковые шли в инструкциях и письмах партиям и в ЮАСКИ в Буэнос-Айресе. Мариатеги исходил из собственного анализа публикаций Коминтерна, своих знаний и переосмысления перуанского и международного опыта⁴².

Вопрос стоял о трансформации Социалистической партии в коммунистическую, в секцию III Интернационала. Перуанские социалисты защищали свой взгляд на партию как на широкое объединение рабочих, крестьян, средних слоев, интеллигенции, в то время как коминтерновский тип партии предполагал закрытую организацию профессиональных революционеров⁴³. Социалисты считали возможным лишь создание внутри соцпартии скрытого коммунистического ядра, из которого со временем вырастет партия, что объяснялось неразвитостью страны, особенностью повестки дня для революционеров Перу. Эта точка зрения, высказанная Портокарреро на конференции в Буэнос-Айресе в будущем станет олицетворением так называемого мариатегизма, жёстко критикуемого Коминтерном⁴⁴. И действительно, Мариатеги не был готов пожертвовать идеей народной, а не классовой партии, которую вопреки установкам Коминтерна он считал верной и отвечающей интересам пролетариата, крестьянства и других народных слоев⁴⁵. И это был одно из главных прегрешений в глазах Коминтерна, считавшего

---

⁴² Aricó, 2018. P. 303-304.

⁴³ El movimiento revolucionario latinoamericano, 1929. P. 154.

⁴⁴ Flores Galindo, 1980. P. 34.

⁴⁵ Aricó, 2018. P. 284.

создание идейно монолитной классовой партии главной предпосылкой любой серьезной революционной работы⁴⁶.

При этом Мариатеги признавал марксистско-ленинскую идеологию партии и руководящую роль пролетариата в союзе с индейским крестьянством. Это стало пунктом развода как с апризмом, так и с Коминтерном. Эту позицию по народной партии, которую упорно отстаивал Мариатеги, в Коминтерне считали апристскими «пережитками»⁴⁷. И действительно, и АПРА и Мариатеги считали, что руководящей силой революции в Перу будет блок рабочих, крестьян и средних слоев. Разница состояла в том, что Мариатеги считал, что революция будет иметь социалистические цели, что не устраивало АПРА⁴⁸. Но даже это положение вызывало критику сотрудника аппарата, одного из основателей советской латиноамериканистики В.М. Мирошевского, обвинявшего Мариатеги в игнорировании этапов революции, изложенных в программе Коминтерна⁴⁹.

Позднее, в 60-е годы, в советской историографии обвинили в неверном приписывании Мариатеги народнических идей ни Кодовилью, ни Мирошевского, а Равинеса, который якобы неверно трактовал своего учителя и сбил с толку Коминтерн, что, конечно, является полной фальсификацией, так как именно Равинес выступил одним из первых против кампании борьбы с мариатегизмом. Равинес, порвавший с коммунистами, был идеальным виновным. Тогда же в несправедливой критике Мариатеги обвинили неких «догматиков» в коммунистическом движении⁵⁰. В конце концов, и в Москве, и в Перу коммунисты присвоили и перетолковали идейно-политическое наследие Мариатеги.

Мариатеги умер 16 апреля 1930 г. в возрасте 35 лет. Как отмечал О. Теран сразу же начался период «приписывания» его работ и его мысли линии Коминтерна, а для этого из его наследия «следовало стереть губкой марксистской ортодоксии без

---

⁴⁶ РГАСПИ Ф. 495, оп. 108, д. 10. Л. 25.

⁴⁷ Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка, 2017. С. 749.

⁴⁸ Agicó, 2018. P. 289.

⁴⁹ Мирошевский, 1941. С. 85.

⁵⁰ Хосе Карлос Мариатеги, 1966. С. 10-11.

права на оговорки все отпечатки сорелианской мысли и авангардисткой эстетики»⁵¹. Этот процесс преодоления всего оригинального в мысли Мариатеги был сразу же начат под именем кампании «борьбы с мариатегизмом», а после VII конгресса коммунисты полностью присвоили себе имя и право трактовки его наследия, предавая умолчанию все не вписывавшееся в «генеральную линию» коммунистов, присваивая все то, о чем было немислимо умолчать, как например, его взгляд на индейское крестьянство.

Борьба с мариатегизмом

С 1930 г. после смерти Мариатеги, в рамках политики большевизации партий Коминтерн объявил необходимой кампанию борьбы и преодоления мариатегизма в коммунистическом движении в Перу. Этот курс продолжался до III конференции компартий континента в октябре 1934 г., что не отменяло критики «ошибочных» позиций Мариатеги. При этом надо отметить, что всякая критика Мариатеги, а точнее мариатегизма, избегала личных нападок, часто выделяя его заслуги перед перуанским коммунистическим и рабочим движением, уважительно упоминалось его имя за вклад в организацию рабочего движения, что резко контрастировало с «критикой» других «уклонистов» в коммунистическом движении, особенно каким-то образом связанных с советской оппозицией, троцкизмом.

Пока шла кампания «борьбы с мариатегизмом» вклад самого Мариатеги в развитие левого, социалистического движения не столько в Перу, сколько в соседних странах мог быть оценен по праву как решающий для всех «некоминтерновских сил». В Боливии его слово распространялось сторонниками Тристана Марофа, левыми индеанистами и националистами. В Чили его влияние было особенно заметным среди «социалистов» и «левых коммунистов» (троцкистов), вскоре ставших основой Социалистической партии Чили⁵². Будет уместно напомнить, что

---

⁵¹ Terán, 2008. P. 188.

⁵² Waiss, 1986. P. 45.

компартия Чили также «вспомнила» Мариатеги хвалебной статьей в своем теоретическом журнале «Principios», однако только в апреле 1935 г. в годовщину его смерти⁵³. Это произошло как раз после Третьей конференции компартий в Москве, где, наконец, прозвучал призыв прекратить кампанию «борьбы с мариатегизмом и рекабарренизмом».

В 1941 г. Мирошевский писал: «Мариатеги был не только мелко-буржуазным «социалистом»-утопистом. Он был прежде всего революционным демократом. Его «социализм» был только прекраснодушной фразой, отражавшей в прикрашенном, идеализированном виде реальные устремления миллионов перуанских крестьян у коренному изменению их положения, к свержению всех старых властей, к уничтожению помещичьего гнета.... Мариатеги под конец своей жизни осознал слабость своей мелкобуржуазной позиции и, преодолевая свою народническую идеологию, вступил на путь борьбы за гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической, антифеодальной и антиимпериалистической революции»⁵⁴. В марксистских убеждениях Мариатеги отказывали не только коминтерновские деятели и советские теоретики, но и троцкисты, как например, Либерио Хусто⁵⁵.

Мариатегизм вдруг был объявлен опасным уклоном, уходящим своими корнями и в апристское наследие, что в условиях «большевизации» и установок «третьего периода», было равносильно обвинениям в социал-фашизме. Так, доклад Мирошевского о Перу в 1934 г. утверждал: «Несмотря на свои крупные революционные заслуги, Мариатеги не смог освободиться от своего апристского прошлого. Он попытался объединить марксизм-ленинизм со своеобразным перуанским народничеством, идеализировал индейскую и крестьянскую общину, видел в ней основную предпосылку для победы в Перу социализма, отождествляя индейский национальный вопрос с аграрно-крестьянским вопросом, смазывая тем самым лозунг нацио-

---

⁵³ Gutiérrez Donoso, 2015/2016. P. 84.

⁵⁴ Мирошевский, 1941. С. 86.

⁵⁵ Justo, 2006. P. 126.

нального сопротивления индейских народностей вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. В то же время он не был чужд и ряда иллюзий как в отношении перуанский либеральной буржуазии, так и в отношении империализма, которому он склонен был, с рядом оговорок, приписывать прогрессивную роль в странах Южной и Караибской Америки»⁵⁶.

Эти обвинения в отказе от лозунга самоопределения индейских народов станут неактуальными после Третьей конференции компартий континента в 1934 г., когда эти идеи в применении к негритянскому населению были жестко раскритикованы кубинскими и бразильскими коммунистами. Хотя в документах Коминтерна остались лозунги возможного самоопределения для негров северо-востока Бразилии и народов кечуа и аймара, оппозицию к этим лозунгам в соответствующих партиях заставила московскую штаб-квартиру убрать этот лозунг из повестки дня.

В марте 1934 г. на «историческом» (предшествовал созыву III конференции и VII конгрессу, впервые наметившем отход от установок VI конгресса и политики «третьего периода») заседании Латиноамериканского лендерсекретариата Инесса Тульчинская раскритиковала коллег, которые связывали «народнические» ошибки компартии в крестьянском вопросе с идеями Мариатеги. Синани в связи с этим тогда же заявил, что необходимо обдумать и обсудить, в какой степени неверные воззрения Мариатеги соотносятся с ленинской критикой народничества и эсеров в России⁵⁷. Это было принципиальным вопросом в выработке отношения КИ к наследию Мариатеги.

Синани критиковал Тульчинскую за то, что она утверждала: Мариатеги боролся за европеизацию перуанской жизни, представляя Мариатеги неким просветителем в духе XVIII в., а не ошибающимся народником. На самом же деле, говорил Синани, Мариатеги опирался на автохтонные начала перуанской жизни,

---

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 79, д. 195. Л. 66.

⁵⁷ РГАСПИ Ф. 495, оп. 79, д. 193. Л. 180-181.

он слишком этнически ограничен⁵⁸. Упор критики Коминтерна идей Мариатеги сводился к его «народническому уклону», к взглядам на общину как естественную основу для социализма в Перу, создавая «свою социалистическую утопию на базе крестьянского социализма»⁵⁹.

Одним из тезисов критиков Мариатеги в Коминтерне был недостаточно верно понятый и принятый им марксизм, что и привело ко всевозможным «народническим» уклонам. В мае 1935 г., выступая в лендерсекретариате Мирошевский, говорил о непреодоленном мариатегиизме в компартии: «Компартия Перу, возникшая в 1930 г. из социалистической партии, до сих пор ещё не преодолела многих пережитков мариатегиизма, объединявшего плохо понятый марксизм со своеобразным перуанским народничеством, видевшем путь к социализму в идеализированной индейской общине, смешивавшего и отождествляющего индейский национальный вопрос с вопросом аграрно-крестьянским и далеко не чуждого в то же время ряда либеральных установок. Эта идейно-политическая путаница Мариатеги, одного из основателей компартии, умершего в 1929 г. и не успевшего действительно прийти к марксизму-ленинизму, до сих пор продолжают мертвящим грузом отравлять революционное сознание ряда наших перуанских товарищей»⁶⁰.

Удивительно – то, что ставится Мариатеги в заслугу во всех марксистских, в том числе и коммунистических «советского разлива», публикациях и мнениях, а именно тесная увязка национального индейского вопроса с проблемой земли, с аграрной реформой, – в Коминтерне было объектом самой жесткой критики, ибо там эта идея разрушала строгую структуру программы антифеодальной и антиимпериалистической революции, теории этапов, когда решаются аграрный и национальный вопросы. Отсюда – идея о неортодоксальности Мариатеги, что не имеет явных оснований при реальном анализе концепции последнего. Хосе Арико отмечал: «Так называемая неортодок-

---

⁵⁸ РГАСПИ Ф. 495, оп. 79, д. 193. Л. 182.

⁵⁹ РГАСПИ Ф. 495, оп. 79, д. 193. Л. 183-184.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 79, д. 195. Л. 19.

сальность позиции Мариатеги в отношении аграрного вопроса не коренилась в его идеологической непоследовательности, или в идеалистических взглядах, или в его социальном романтизме, так как она прочно стояла на марксистской почве... Мариатеги предстает самым убедительным образом как марксист, именно когда говорит об особенностях перуанского общества, чтобы определить характер политических и теоретических действий по его трансформации»⁶¹. И рабоче-крестьянский союз как основа революции и социалистических преобразований в трудах Мариатеги самым логичным и естественным образом превращался в союз пролетариата и индейцев, как специфического аграрного народа. И дело вовсе не в путанице национального вопроса и аграрного (социального), как в том упрекали его в Коминтерне, а в творческом применении марксизма к перуанской действительности, что позднее и было признано коммунистами и советской общественной наукой⁶².

На Третьей конференции латиноамериканских партий в Москве в октябре 1934 г. Равинес, предолгая критически рассмотреть наследие Мариатеги в отношении крестьянского вопроса, отмечал: «Какова база для развития революции? Для Мариатеги базой являлась община. Правильна ли эта постановка вопроса? Община – основа буржуазно-демократической революции в деревне, она ни в коей степени не является основой социалистической революции в деревне. Мариатеги не видит перехода общины, как и всего крестьянства к социалистической революции через классовую борьбу, развития пролетариата в деревне. Без этого развертывания классовой борьбы в деревне нельзя перейти от буржуазно-демократической революции к социалистической»⁶³.

И после III конференции в советской официальной публицистике Мариатеги по-прежнему оставался представителем «народничества» в Латинской Америке, о чем свидетельствует статья Мирошевского в журнале «Историк-марксист» 1941 г.⁶⁴

---

⁶¹ Mariátegui y los orígenes del marxismo latinoamericano, 1929. P. L-LI.

⁶² См. Хосе Карлос Мариатеги, 1966.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 79, д. 213. Л. 422.

⁶⁴ Мирошевский, 1941. С. 78–86.

Перуанские коммунисты были первыми, кто реабилитировал Мариатеги от всех обвинений коминтерновцев. В 1943 г. вышла статья лидера компартии Перу Хорхе дель Прадо, в которой Мариатеги назван не только основателем и пророком коммунизма в Перу, но и марксистом-ленинцем-сталинцем⁶⁵. Даже главный критик Мариатеги Кодовилья в 1941 г. писал в Москву: «Перуанская партия опирается на традицию и корни, она пользуется симпатией благодаря делу Мариатеги, который несмотря на свои ошибки искренне ориентировался на марксизм-ленинизм, на защиту СССР и Коминтерна»⁶⁶. Коммунисты желали полностью присвоить себе имя Мариатеги, поместить его имя на своё знамя.

С Рекабарреном и против рекабарренизма

Если борьба с маритегизмом в Коминтерне опиралась на критику идей и работ, имевших большое содержательное значение для определения путей революции в Латинской Америке, такая же борьба с рекабарренизмом в компартии Чили повисала в воздухе, ибо не опиралась ни на какие особенные политические теории или идеи основателя компартии Луиса Эмилио Рекабаррена. Как и в случае с Мариатеги, борьба с его наследием началась в рамках большевизации партий, поставленной в качестве задачи движения после VI конгресса Коминтерна. В значительной степени, как и в случае с Мариатеги, эта кампания облегчалась тем фактом, что Рекабаррена уже не было в живых. Он покончил с собой в 1924 г.

КПЧ представляла Рекабаррена как своего главного предшественника, приписывая ему проведение той политики, которая была актуальна для линии партии в тот или иной момент. Однако вскоре под влиянием ЮАСКИ руководство чилийской партии приняло лозунг: «с Рекабарреном и против рекабарренизма».

Отстаивая исторические заслуги Рекабаррена, в начале 30-х КПЧ подчеркивала значение его борьбы с реформизмом⁶⁷. Од-

---

⁶⁵ Mariátegui y los orígenes del marxismo latinoamericano, 1929. P. 74-75.

⁶⁶ Komintern y América Latina, 2018. P. 379.

⁶⁷ Urtubia Odekerken, 2016. P. 217.

нако из Москвы, начиная с 1933 г., через эмиссаров приходили строгие указания борьбы с наследием рекабарренизма как с добольшевистским этапом развития партии. На совещании в лендерсекретариате в марте 1934 г., проходившем в рамках подготовки к Третьей конференции компартий Латинской Америки, один из лидеров чилийской компартии Карлос Контрерас Лабрака заявлял, что партии предстоит усилить борьбу с рекабарренизмом, который является «уклоном» и связан с идальгизмом (троцкизмом) и гровизмом (социалистами)⁶⁸. КПЧ стала называть рекабарренизм либеральным, социал-реформистским уклоном в рабочем движении, связанным с идальгистами. Эмиссар Коминтерна в Латинской Америке Фритц Глаубауф отмечал нежелание КПЧ вести реальную борьбу с рекабарренизмом, эта борьба была только на словах, несмотря на все указания из центра: «Я вспоминаю, как в прошлом году, на праздновании годовщины Рекабаррена, в партии сопротивлялись критике его ошибочных позиций. Брошюра, в которой восхвалялся Рекабаррен, исчезла и никогда не была опубликована. Но в органе, контролируемом партией («Вангвардия») появилась не критическая статья о Рекабаррене»⁶⁹.

В июле 1933 г. КПЧ провела после долгого перерыва общенациональную конференцию (не съезд как того требовали левые оппозиционеры в партии). Одним из самых драматичных моментов конференции для самочувствия членов партии было начало публичной критики наследия Рекабаррена⁷⁰. Этому повороту предшествовало заседание Политбюро КПЧ 6 января 1933 г., на котором присутствовали 5 представителей ЮАСКИ. Там был дан старт кампании борьбы с наследием рекабарренизма в рамках пролетаризации и большевизации компартий⁷¹. Вслед за этой критикой из партии по обвинению в троцкизме были формально исключены «левые оппозиционеры», идальгисты, что позволило им принять на себя отвергаемое официальной сталинистской партией наследие Рекабаррена.

---

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 101, д.31. Л. 1-52.

⁶⁹ Цит. по Ульянова, 2008. С. 205.

⁷⁰ Barnard, 2017. P. 108.

⁷¹ Ульянова, 2008. С. 201.

Критика рекабарренизма состояла в отказе от электоральных и межклассовых политических союзов, в чем обвинялась предшественница компартии, старая Социалистическая рабочая партия и сам Рекабаррен⁷². Эта кампания входила в общую линию КПЧ и Коминтерна «третьего периода», политики «класс против класса».

Несмотря на всю риторику, в основном направленную с адрес Москвы, коммунисты обеих фракций (лафертисты-сталинисты и идальгисты-троцкисты) относились к Рекабаррену как к символической фигуре чилийского коммунистического движения. Мало кто мог сформулировать его идейные отклонения или его особенные какие-то взгляды, как то было сделано в отношении, например, австромарксизма. Мало кто защищал или опровергал его идейные установки. Чтобы как то привязать борьбу с рекабарренизмом к идеологическим расхождениям, эмиссары Коминтерна на континенте, в частности австриец Фриц Глауфбауф в своем выступлении в дискуссии о Чили в ЮАСКИ сравнил задачу «преодоления рекабарренизма» в КПЧ с «преодолением влияния Люксембург» в компартиях Германии и Польши⁷³.

Выступая в марте 1934 г. в Лендерсекретариате видный функционер ЮАСКИ П. Гонсалес Альберди связал борьбу с рекабарренизмом в партии с преодолением раскола в КПЧ, связанного с именем М. Идальго, уже тогда присоединившихся в троцкистской Международной левой оппозиции. Эта позиция не воспринималась внутри КПЧ, так как лишь подтверждала тезисы оппозиции об их преимуществах с делом Рекабаррена. Гонсалес Альберди говорил: «Пока наша партия не подвергнет серьезной критике идеи Рекабаррена, она не сможет освободиться от влияния идальгистов (троцкистов). А без этого невозможно организовать аграрную и антиимпериалистическую революцию в Чили. Все оппортунистические концепции используются ныне идальгистами для борьбы с большевистской идеологией и партийным строительством как пролетарской

---

⁷² Grez Toso, 2015. P. 502-503.

⁷³ Ульянова, 2008. С. 204.

партии. Партия должна четко определиться в отношении Рекабаррена: признать его заслуги в организации чилийского пролетариата, его приверженность Коминтерну и Профинтерну, его защиту СССР (что отличает его от Идальго, который презирает пролетариат и боролся против присоединения партии в Интернационалу⁷⁴, сотрудничал с палачами пролетариата), но при этом энергично критиковать ошибочные концепции Рекабаррена, освободившись от их влияния⁷⁵. Будет совершенно бесполезно попытаться найти во всем комплексе документов Коминтерна, хотя бы какое-нибудь объяснение, в чем же состояли эти оппортунистические концепции Рекабаррена. С этой проблемы разъяснения причин кампании борьбы с рекабарренизмом столкнулись и в КПЧ. Широко распространенным в Коминтерне обвинением в адрес многих руководителей компартии, в том числе и Рекабаррена, было обвинение в масонстве, что было синонимом буржуазности и либерализма⁷⁶.

Так нельзя было сформулировать антипролетарские идеи, которые Рекабаррен якобы привнес в партию, то оставалось лишь критиковать его политику сотрудничества с буржуазией и её партиями, что буквально противоречило с признанием его заслуг в выборе «ленинского» пути для чилийской партии и рабочего движения. Никто в КПЧ никогда толком не мог определить, кто такие рекабарренисты, его последователи, уводившие от правильного пути партию⁷⁷. В Москве имели ещё более смутное представление о рекабарренизме: в своих речах путали страны, фамилии и прочее, но доверяли ЮАСКИ и поддерживали эту кампанию в рамках большевизации. В Лендерсекретариате так характеризовали КПЧ: «Партия пока еще ни в коем случае не является марксистско-ленинской. Партия находится под идеологическим влиянием Рекабаррена, бывшего ее основателем... Это аргентинский социалист, основатель аргентин-

---

⁷⁴ Действительно, М. Идальго, являвшийся одним из старейших руководителей партии, в свое время выступал против присоединения к Коминтерну и смены названия партии с Социалистической рабочей на Коммунистическую.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 106, д. 38. Л. 9.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 79, д. 193.

⁷⁷ Urtubia Odekerken, 2016. P. 35.

ской партии, и очень влиятельная фигура в Южной Америке. Он меньший марксист, чем Мариатеги»⁷⁸.

Для всех Рекабаррен был первым чилийским коммунистом и марксистом, а насколько его марксизм соответствовал догматам Коминтерна, было слишком сложным вопросом. Чилийские левые придерживались европоцентристских взглядов и не искали ни в своём прошлом, ни в настоящем какого-то самобытного марксизма под личиной рекабарренизма. Что реально представляло собой наследие Рекабаррена, так это способность левых политиков искать компромиссы и вступать в политические союзы. Но это было общим местом для всех левых, в том числе и примкнувших к Коминтерну, в первые годы существования коммунистического движения после российской революции. Все обвинения против рекабарренизма были *post factum*, политическая линия самого Рекабаррена никогда не вступала в противоречие с установками Коминтерна в те годы, а уже в чем особенно состояли его взгляды, было самым темным местом в кампании борьбы с рекабарренизмом. Самое неприятное состояло в том, что сам Коминтерн в своих посланиях к КПЧ в годовщину смерти Рекабаррена называл его «продолжателем дела Ленина», вождем, показавшем правильный путь чилийскому рабочему классу⁷⁹.

На уже упоминавшемся заседании Лендерсекретариата 17 мая 1934 г. Мирошевский, расправившись с мариатегизмом в компартии Перу, перешел в своем докладе в критике рекабарренизма, наконец-то, сформулировав ошибки и «грехи» основателя чилийской компартии. Он говорил: «В компартии Чили значительная часть руководства до сих пор не освободилась от пережитков рекабарренизма – мешанины анархо-синдикалистских и жорессистских (социал-реформистских) взглядов, привнесенных в партию её основателем Рекабарреном»⁸⁰. Именно в этом Мирошевский и увидел причину ошибочных решений партий в период глубокого политического кризиса

---

⁷⁸ Цит. по Ульянова, 2008. С. 202.

⁷⁹ Chile en los archivos soviético 1922 – 1991. Т. 1, 2005. Р. 154-155.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 79, д. 195. Л. 20-21.

начала 30-х, которые в действительности были последствием коминтерновских установок «третьего периода».

Однако установка борьбы с наследием Рекабаррена продлилась недолго, и уже на 3-ей конференции компартий региона в Москве эта линия была подвержена критике, а партия призывалась к реабилитации этой ключевой фигуры для коммунистического движения в Чили.

В рамках процесса «большевизации» в Перу и Чили в партиях были объявлены кампании борьбы против мариатегизма и рекабарренизма, соответственно. На Третьей конференции компартий континента Э. Равинес призвал пересмотреть эту установку в применении к Мариатеги и Рекабаррену. Он говорил: «Рабочие любят Мариатеги, его имя надо использовать. Рабочие не хотят бороться с мариатегизмом... Мариатеги переоценивал значение буржуазии, опираясь на слова Маркса о Германии XIX в., но он признал свои ошибки». А Рекабаррен является крупнейшей революционной фигурой: «В Чили допустили много ошибок из-за неосторожности в борьбе против Рекабаррена... Он ошибался, но мы не можем вычеркнуть его имя из истории революционной борьбы в Чили»⁸¹. Это выступление Равинеса положило начало идейного переосмысления в латиноамериканском коммунистическом движении таких ярких явлений как Мариатеги и Рекабаррен, которые к тому же стояли у истоков коммунистических партий в своих странах. Такой поворот способствовал также достижению понимания между компартиями и другими левыми группами в Перу и Чили. Это был важный шаг к преодолению сектантства, особенно в Чили.

Борьба с уклонами в Коминтерне не всегда приводила к полному разрыву Москвы и всего движения с представителями диссидентских направления. Чаще всего, было именно так, и троцкисты, и чисписты в Аргентине, и астрожилдисты в Бразилии навсегда покидали движение и объявлялись не только агентами классового врага, но и предателями дела рабочего класса, что исключало даже прагматические союзы с ними. С Мариате-

---

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 79, д. 213. Л. 420-421.

ги и Рекабарреном произошло нечто исключительное: несмотря на всю жесткую критику и пропагандистскую кампанию искоренения их наследия, в конце концов, коммунисты считали более выгодным для себя полностью забыть эту страницу своей истории и присвоить себе славу и наследие этих ярких и харизматичных лидеров, исходя из политической целесообразности исторического момента в Чили и Перу. Рекабаррен и Мариатеги заняли, в конце концов, свое почетное место в иконостасе латиноамериканских коммунистов, хотя это присвоение коммунистами оспаривалось и другими марксистскими левыми континента.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

- Берлин И.* История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001. Berlin I. Istoriya svobody. Rossiya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001 [History of Liberty. Russia]
- Дойчер И.* Незавершенная революция. М.: Интер-Версо, 1991. Deutscher I. Nezavershennaya revolutsia. M.: Inter-Verso, 1991. [The Unfinished Revolution]
- Коминтерн и Латинская Америка. Сборник документов. М.: Наука, 1998. Komintern i Latinskaya Amerika. Sbornik dokumentov. M.: Nauka, 1998 [The Comintern and Latin America. Documents].
- Мирошевский В.* «Народничество» в Перу. К вопросу о роли Х. К. Мариатеги в истории латиноамериканской общественной мысли // Историк-марксист. № 6. 1941. Miroshevsky V. "Narodnichestvo" v Peru. K voprosu o roli J.C. Mariategui v istorii latinoamerikanskoi obschestvennoi mysli // Istorik-marxist. No. 6. 1941. ["Populism" in Peru. To the question of the role of J.C. Mariategui in the history of Latin American social Thought]
- Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка. М.: Наука, 2018. Rossiyskaya revoliutsia, Komintern i Latinaskaia Amerika. M.: Nauka, 2018. [Russian Revolution, Comintern and Latin America].
- Ульянова О.* Революционный кризис и революционные иллюзии. Компартия Чили и Коминтерн // Латиноамериканский

- исторический альманах. № 8. 2008. Ulianova O. *Revolutsionniy crisis i revolyutsionnyie illuzii. Kompartia Tchili i Komintern // Latinoamerikanskiy istoricheskiy almanakh. No.8. 2008. [The Revolutionary Crisis and the Revolutionary Illusions]*
- Хосе Карлос Мариатеги. Пламенный борец за торжество идей марксизма-ленинизма в Латинской Америке. М.: Наука, 1966. Jose Carlos Mariategui. *Plamennyi borets za torzhestvo ideyi marxisma-leninisma v Latinaskoy Amerike. M.: Nauka, 1966. [Jose Carlos Mariategui. An ardent fighter for the triumph of the ideas of Marxism-Leninism in Latin America]*
- Янчук И.И. Вторая конференция коммунистических партий Латинской Америки, Москва, 2- 10 октября 1930 г. // *Латиноамериканский исторический альманах. № 6. 2005. Yanchuk I.I. Vtoraya konferentsiya kommunisticheskikh partiy Latinskoy Ameriki, Moskva, 2-10 oktiabria 1930 // Latinoamerikanskiy istoricheskiy almanakh. No.6. 2005. [The Second Conference of the Communist Parties of Latin America, Moscow, October 2-10, 1930]*
- Achá O., *D'Anuncio D. Cartografía y perspectivas del “marxismo latinoamericano” // A Contracorriente. Vol. 7, No. 2, Winter 2010.*
- Aricó J. *Dilemas del marxismo en América Latina: antología esencial / comp. por Martín Cortés. Buenos Aires: CLACSO - Fundación Rosa Luxemburgo, 2018.*
- Barnard A. *El Partido Comunista de Chile, 1922-1947. Santiago de Chile: Ariadna Ediciones, 2017.*
- Becker M. *Mariátegui y el problema de las razas en América Latina // Revista Andina. № 35. 2002.*
- Chile en los archivos soviético 1922 – 1991. T. 1. // eds. Ulianova O., Riquelme A. Santiago de Chile: Lom, 2005.
- Cueva A. *El marxismo latinoamericano: historia y problemas actuales // Entre la ira y la esperanza y otros ensayos de crítica latinoamericana. Bogotá-Buenos Aires: CLACSO – Ed. Siglo de Hombres, 2008.*
- El movimiento revolucionario latinoamericano. Versiones de la Primera conferencia comunista latinoamericana. Junio 1929. Buenos Aires: Correspondencia Sudamericana, 1929.

- Flores Galindo A.* La agonía de Mariátegui. La polémica con la Komintern. Lima: Desco, 1980.
- Grez Toso S.* Un episodio de las políticas del “Tercer periodo” de la Internacional Comunista: elecciones presidenciales en Chile, 1931 // *Historia*. № 48. vol. II. 2015.
- Gutiérrez Donoso P.* Itinerario del pensamiento de José Carlos Mariátegui en Chile. 1926-1973 // *Políticas de la Memoria*. Buenos Aires. № 16. verano 2015/2016.
- Justo L.* Los Estados socialistas de América Latina. Buenos Aires: GEU, 2006.
- Kohan N., Pérez G., Lowy M.* Mariátegui y la revolución en América Latina. Barcelona: Yulca ed., 2014.
- Komintern y América Latina. En documentos del Archivo de Moscú / Comp. Victor Jeifets, Andrey Schelchkov. Moscú: Aquilo-Press, 2018.
- Leibner G.* El mito del socialismo indígena. Fuentes y contextos peruanos de Mariátegui. Lima: Pontífica Universidad Católica del Perú, 1999.
- Mariátegui J.C.* La nueva cruzada pro-indígena // *Amauta*, 1927. No.5.
- Mariátegui y los orígenes del marxismo latinoamericano. / Selección y prólogo de José Aricó. México: Siglo XXI, 1980.
- Ruiz Sanjuán C.* Mariátegui y la constitución de un socialismo latinoamericano // *Araucaria*. Revista Iberoamericana de Filosofía, Política y Humanidades. № 33. 2015.
- Terán O.* Amauta: vanguardia y revolución // *Prismas*. Revista de historia intelectual. No. 12. 2008.
- Urtubia Odekerken X.* Hegemonía y cultura política en el Partido Comunista de Chile: la transformación del militante tradicional, 1924 – 1933, Santiago de Chile, Ariadna, 2016.
- Waiss O.* Chile vivo. Memorias de un socialista, 1928-1970. Madrid: Centro de Estudios Salvador Allende, 1986.